

УДК 930

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ БОСПОРСКОЙ ЭЛИТЫ РИМСКОГО ПЕРИОДА

© 2018 г.

О.В. Шаров¹, М.М. Чорев²¹Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург²Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск

olegsharov@mail.ru

Поступила в редакцию 29.03.2018

Анализируются сведения о боспорской элите римской эпохи. Отдельно рассматривается вопрос об участии членов царской семьи и должностных лиц царской администрации в управлении Боспором. Авторы предполагают, что вхождение в состав боспорской элиты обеспечивалось не только знатным происхождением и богатством, но и личной преданностью царю.

Ключевые слова: история, археология, эпиграфика, Боспор, римский период, элита.

Интересующая нас проблема отнюдь не нова. Ее исследуют столь же долго, сколь и лапидарные памятники античного Боспора. Так что, на первый взгляд, есть основания считать, что вопрос о структуре элиты Боспора римской эпохи достаточно хорошо изучен. Однако до сих пор нет единой, логичной точки зрения на структуру боспорской элиты и на правила ее формирования. Полагаем, что имеет смысл заново рассмотреть и источники, содержащие сведения о ее представителях, и исторические исследования, посвященные этому вопросу.

Основными источниками сведений о боспорской элите римского периода являются памятники эпиграфики [1–3; 4, с. 774–875]. Также ценны публикации результатов археологических, нумизматических и общеисторических исследований. К настоящему времени вышли в свет и труды по этому вопросу [3; 4, с. 774–875; 5; 6; 7; 8, с. 5–11; 9; 10; 11, с. 485–489; 12, с. 32–36; 13; 14; 15, с. 102–105; 16, с. 299–315; 17, с. 240–313; 18, с. 250–262; 19, с. 1–67; 20; 21, с. 61–80; 22, 179–198; 23; 24, с. 192–205; 25, с. 183–197; 26, с. 184–203; 27, с. 124–133; 28, с. 175–183; 29, с. 192–200; 30; 31, с. 221–242; 32, с. 137–146; 33; 34; 35, с. 74–93; 36, с. 352–369; 37; 38, с. 247–259; 39, с. 456–487; 40, с. 43–50; 41, с. 357–375; 42; 43; 44, S. 67–81].

Однако вопросы все еще остаются. Как уже было сказано выше, не ясно, по каким правилам пополнялся ее состав. Точнее, не понятно, кто из подданных боспорского государя и на каком основании мог войти в этот привилегированный слой. Полагаем, что эта проблема заслуживает решения. Попробуем выяснить, что представляла собой элита Боспора в I–IV вв. н.э.

Начнем с того, что на Боспоре бытовал специальный термин для именовании элиты. Речь идет о слове ἀριστοπυλεῖται – «аристопилиты». Известно, что его использовали как собиратель-

ный для именовании царедворцев. Однако общепризнанный перевод слова ἀριστοπυλεῖται до сих пор не выработан. Попытаемся решить эту проблему.

Ценнейшим источником сведений об аристократах является надпись царя Тейрана (275/276–278/279) [1, № 36]. Ее исследование началось уже в XIX в. Первый перевод этого текста предложил Л. Стефани [45, No. XVIII]. Его труд до сих пор штудируется историками. Ученый уделил особое внимание разбору интересующего нас термина. Он пришел к выводу, что вторая часть слова ἀριστοπυλεῖται была образована от πύλη, которое, в свою очередь, можно перевести на русский язык как «царский двор, дворец». По мнению ученого, в ἀριστοπυλεῖται следует видеть «лучших царского дворца».

В.В. Латышев был согласен с этим переводом. Однако он изложил иную точку зрения на вопрос о происхождении слова ἀριστοπυλεῖται. Ученый допустил, что πύλη или πύλαι могло использоваться жителями Боспора с той же целью, что и αἱ θύραι у древних историков. То есть для обозначения дворца правителя. По мнению В.В. Латышева, ἀριστοπυλεῖται соответствует οἱ ἄριστοι οἱ ἐπὶ ταῖς πύλαις. Ученый считал, что ἀριστοπυλεῖται следует переводить как «лучшие (высшие) при царском дворце» [46, No. 29].

Иной точки зрения придерживался А. Бек. Он считал, что πύλη происходит от тривиального πῶλις. По его мнению, ἀριστοπυλεῖται – искаженная, варваризированная форма от ἀριστοπυλεῖται [46, No. 29]. По логике исследователя, аристократами могли быть «знатные граждане» главного центра, столицы Боспора – Пантикапея. Гипотеза А. Бека не получила всеобщего признания. Не случайно идею В.В. Латышева о происхождении второй части слова ἀριστοπυλεῖται от персидского αἱ θύραι принял и развил В.П. Яйленко [3, с. 403–408].

Ученый полагает, что «во II – первой пол. III в. в ближневосточной греко-римской среде среднеперс. *dar* (или *ostan*), обозначавшее в переносном смысле «царскую резиденцию», а в прямом «дверь, ворота», было скалькировано буквальным греческим эквивалентом прямого значения *πύλαι* – «ворота, дверь», с приданием ему не свойственного значения «царский дворец». Аналогичным образом и на Боспоре в среде местной смешанной греко-иранской, т.е. двуязычной, знати было образовано слово *ἀριστοπυλαῖται* на основе калькирования того же среднеперс. *dar* (*ostan*). Таким образом, слово *ἀριστοπυλαῖται* образовано в греко-иранской среде Боспора III в. из гр. *ἀριστοι* «лучшие, знатнейшие» и *πύλη* (*πύλαι*), как калька среднеперс. *dar* или *ostan* «царский дворец» [3, с. 406–407].

Заметим, что это вполне логично. К слову, В.Ф. Гайдукевич также полагал, что царедворцев, составлявших ближайшее окружение царя, в римский период называли «лучшими при воротах» (*ἀριστοπυλαῖται*) или *βασιλικοί* – «царские». Они составляли высшую придворную знать. Ученый полагал, что царь из них рекрутировал своих вельмож [10, с. 341–342]. Так же считает и один из авторов этой статьи. По его мнению, «слово *ἀριστοπυλαῖται* следует переводить как «лучшие при воротах», т.е. «придворные». Памятник в честь победы царя соорудили представители высшей аристократии Боспорского царства, точнее сказать, влиятельнейшие придворные» [38, прим. 7].

Однако следует обратить внимание и на иные точки зрения. К примеру, на гипотезу, предложенную В.А. Сидоренко. Ученый полагает, что вторую часть слова *ἀριστοπυλαῖται* следует считать однозначной обозначению собраний амфикионов – *πυλαία*, объединенных, в данном случае, почитанием Зевса и Геры Спасителей, упомянутых в надписи Тейрана [1, № 36]. По его мнению, аристопилиты – представители греческих городов Боспора, объединившихся для борьбы с варварами. Сам же Боспор, согласно выводам ученого, при Тейране представлял собой религиозно-политический союз¹ [32, с. 141]. Подчеркнем, что эта точка зрения не получила признания. Как верно заметил В.П. Яйленко, «это предложение не обосновано ни грамматически (ожидалась бы форма *ἀριστοπυλαῖται*), ни исторически, так как мы знаем, что Боспор оставался царством» [3, с. 404–405]. Действительно, сохранение амфикионии до правления Тейрана было бы совершенным нонсенсом. Так что гипотезу В.А. Сидоренко мы поддержать не можем.

Весьма интересную гипотезу предложил Б. Функ. Ученый заключил, что аристопилиты были *φίλοι τοῦ βασιλέως* – «друзья царя» [35,

с. 80]. Что, впрочем, не отменяет трактовку этого понятия как «лучших при царском дворце». Ведь друзья государя, несомненно, входили в круг его придворных. Так что утверждение Б. Функа вполне логично и не противоречит выводам В.П. Яйленко и М.М. Чорефа.

Мы не можем опустить и вывод М.И. Ростовцева. Ученый полагал, что значение этого термина несколько шире. Изучив список лиц, упомянутых в качестве аристопилитов в надписи царя Тейрана [1, № 36; 46, № 29], он заключил, что речь, кроме всего прочего, идет о «сакральнo-военной коллегии, объединившей в себе двор царя, его гвардию и, может быть, пажей» [28, с. 176]. По мнению ученого, аристопилиты были элитой боспорского общества, знатью, занимающей высшие должности в государстве, «лучшими при царском дворце». Но, вероятно, не стоит называть царедворцев Боспора аристопилитами ранее 70-х гг. III в. н.э., когда этот термин был впервые употреблен [1, № 36].

Попробуем выяснить, кого следует относить к аристопилитам. Начнем с того, что высшую должность в государственном аппарате Боспорского царства в римский период занимал *ὁ ἐπί τῆς βασιλείας* – «наместник царства» [1, № 36, 58, 628, 1051, 1134, 1237, 1249]. Об этом сановнике нет ни слова в текстах лапидарных памятников эпохи Спартокидов. Зато она зафиксирована и в документах эллинистических государств. Так что есть все основания полагать, что эту должность заимствовали в понтийский или римский период.

В.В. Латышев полагал, что *ὁ ἐπί τῆς βασιλείας* был наместником царской области, вернее всего – европейской части Боспора [20, с. 125]. Но его точка зрения не получила всеобщего признания. Так, М.И. Ростовцев считал, что этот вельможа являлся представителем римского императора [47, с. 116]. В свою очередь, В.Ф. Гайдукевич заключил, что звание *ὁ ἐπί τῆς βασιλείας* даровалось ближайшим соратникам боспорского царя, пользовавшимся его доверием, причем не имевшим определенных функций, а выполнявшим особые поручения [1, № 654]. С.А. Жебелёв допустил, что *ὁ ἐπί τῆς βασιλείας* был правителем царской резиденции, располагавшейся в Пантикапее [14, с. 210]. А.И. Болтунова полагала, что *ὁ ἐπί τῆς βασιλείας* – сановник, управлявший владениями царя [48, с. 113–116]. А В.А. Сидоренко считает, что он был верховным военачальником [32, с. 139]. Замечу, что Н.Н. Болгов рассматривает эту должность как государственный пост, аналогичный первому министру или визирю в эллинистических или древних восточных государствах [9, с. 70–71]. Однако С.А. Грингоф полагает,

что основные функции ὁ ἐπί τῆς βασιλείας близки к понятию «главный царский помощник» [13, с. 15]. Так что вопрос о функциях этого вельможи пока еще остается открытым.

Попытаемся уточнить наши представления о компетенциях ὁ ἐπί τῆς βασιλείας. Для этого попробуем выяснить, кто занимал этот пост. Наместниками царской области были: М. Ульпий Парфенокл, живший при Савромате I (93/94–123/124) [1, № 32, 628], бывшие наместники царства Юлий Д. и Юлий Родон при Савромате II (174/175–210/211) [1, № 1237], Афендор, сын Селевка при том же государе [1, № 1134], Родон, сын Лоллея при Рескупориде IV (242/243–276/277) [1, № 58], Менестрат, сын Госемфлия при царе Тейране [1, № 36], а также М. Аврелий Андроник при Фофорсе² (285/286–309/310) [1, № 1051].

М.И. Ростовцев и С.А. Грингоф обратили внимание на то, что у большинства их римские имена. Очевидно, что они были гражданами Империи. И это не удивительно. Служба Риму в период домината и «солдатских императоров», известная своей вертикальной мобильностью, позволяла сделать блестящую карьеру как на военном, так и на гражданском и придворном поприщах. Причем имперские власти стремились привлечь на свою сторону талантливых управленцев, не обращая внимание на их происхождение, в т.ч. и наличие римского гражданства. Полагаем, что быструю карьеру могли сделать те лица, которые в силу своего происхождения могли повлиять на ситуацию в клиентальных царствах. В том числе и на Боспоре. Этим обстоятельством следует объяснять широкое распространение римских имен в боспорских надписях. Вполне возможно, что предки многих аристократов получали гражданство за заслуги перед императорами. Так что известные нам ὁ ἐπί τῆς βασιλείας верно служили не только своим государям, но и Риму.

Точка зрения М.И. Ростовцева, впрочем, не кажется нам убедительной. Ведь известные ὁ ἐπί τῆς βασιλείας имели не только латинские, но и греческие, а также иранские имена. Учитывая это обстоятельство, допускаем, что главным фактором получения этой должности являлась личная близость к царю, а также преданность его идеям. Вероятно, повелитель Боспора из числа «друзей царя» выбирал главных помощников и доверял им решение сложных вопросов, в том числе управление царством или его частью от своего имени.

Относительно должности ὁ πρῶτος ἐπί τῆς βασιλείας Е.М. Алексеева полагает, что известные по горгиппийским надписям чиновники этого ранга возглавляли местную горгиппий-

скую, а не общевоспорскую коллегия [5, с. 62]. По ее мнению, подобные объединения могли существовать в различных центрах царства. Действительно, Горгиппией в римский период управлял царский наместник. Однако М.И. Ростовцев пришел к иному выводу. Он писал, что возможность замещения столь важных должностей несколькими лицами одновременно подтверждается надписью горгиппийских навклеров [1, № 1134]. В ней на первом месте стоит фраза «Αθηνόδωρον Σελεύκου πρῶτον ἐπί τῆς βα(σ)ιλείας». Вряд ли в слове πρῶτος можно видеть указание на то, что в ней упомянут первый по времени чиновник, исполнявший эту должность. Куда вероятнее то, что эта функция исполнялась группой лиц во главе с Афендором [28, с. 177]. Так что в тексте речь шла о первом (главном или старшем) из наместников царя.

К сонму высших должностей Боспорского государства следует отнести наместников областей и городов Боспора. Самым влиятельным из них был ὁ ἐπί τῆς Θεοδοσίας – «наместник Феодосии». О существовании этой должности известно по списку аристократов царя Тейрана [1, № 36] и надписи Аврелия Валерия Сога [1, № 64]. Последняя содержит пиитическое упоминание римских императоров. Но в ней ни слова о боспорском государе. Это говорит об ослаблении царской власти в период ее создания [13, с. 8; 50, с. 329–371].

Следующим по значимости был чиновник в ранге ὁ ἐπί τῆς Горγипπείας – «наместник Горгиппии». Он известен по лапидарным надписям, найденным на территории этого городища [1, № 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1214]. Вероятно, что Горгиппия с округой представляла собой административный округ. Им в 110 г. управлял Фарнакион, сын Пофа. В 187 г. наместником был Неокл, сын бывшего правителя Горгиппии Неокла, сына Геродора. При Савромате II представителем царя был Майродор, сын Неокла. Он также являлся синагогом в фиасе навклеров [1, № 1134].

Как видим, наместниками царя в Горгиппии были представители одной семьи. Вслед за Е.М. Алексеевой полагаем, что они могли быть Неоклидами – ветвью древа Тибериев-Юлиев [5, с. 62]. Полагаем, что они представляли собой одну из младших линий правящей династии, владевшей Горгиппией и ее округой как своего рода улусом. Отметим, что ни один из представителей семьи Неоклидов так и не стал боспорским царем. Получается, что они или не имели существенных прав на престол, или же имели влияние только в Горгиппии и в ее округе. Полагаем, что Неоклиды были знатной семьей, происходящей, вполне возможно, от вождей,

породнившихся с Митридатом VI Евпатором Дионисом и, в силу этого, получивших Горгипию в удел, но, тем не менее, не претендующих на власть над всем Боспором.

Что же касается должности $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\eta\varsigma \nu\eta\sigma\upsilon$ – «наместник Острова» [1, № 40, 697, 982, 1000], то занимающие ее чиновники управляли Фанагорией (Strabo, XI, 2, 10). Известны три правителя, исполнявших эту должность. Один из них жил при Аспурге (14/15–37/38) [1, № 40], второй – Ульпий Анتماх правил при Савромате I [1, № 697], а третий – руководил в эпоху Котиса II (123/124–132/133) [1, № 982].

Считаем необходимым обратить внимание на следующее весьма немаловажное обстоятельство. В надписи, датированной 130 г. н.э. [1, № 982], Фанагория названа Агриппией. Видимо, это не было случайным. Ведь это название вновь было использовано в надписи времен Фофорса, найденной в Гермонассе в 1830 г. Стела была поставлена в 307 г. архонтами городов Кесарии и Агриппии в честь М. Аврелия Андроника, бывшего наместника царя, и его сына лохага Алексарфа [1, № 1051]. Следовательно, в начале IV в. н.э. Фанагорией-Агриппией могли управлять архонты, хотя они ранее упоминались исключительно в Танаисе. В.Д. Блаватский считал, что архонтами были оппозиционные политархи [51, с. 248], воевавшие с Фофорсом на стороне Рима³. Мы принимаем эту точку зрения.

Известны надписи с упоминанием должности $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\nu \text{ Ασπουργιανῶν}$ – «наместник аспургиян» [1, № 36, 1246, 1248]. М.И. Ростовцев считал, что речь идет о почетном титуле командира царской гвардии [28, с. 178–179]. С.Ю. Сапрыкин справедливо полагает, что эти вельможи были предводителями военных поселенцев в Синдике, размещенных на царских землях [31, с. 240].

Посол или пресбевт царя упомянут в ряде надписей из Танаиса [1, с. 1239, 1241, 1243, 1245, 1246, 1248, 1249, 1250]. Очевидно, что этот город имел особый статус. Правители Боспора назначали в него своих представителей для ведения переговоров с кочевниками и иностранными купцами. Известно, что в Танаисе существовали должности эллинарха и архонта танаитов [1, № 1242, 1243, 1245]. В.Ф. Гайдукевич полагал, что в Танаисе, наряду с греками-колонистами, проживала значительная группа местного сарматского населения – танаитов. Так эллинарх руководил греками, а архонт танаитов управлял сарматской частью населения [10, с. 344].

Имена архонтов танаитов позволяют проследить генеалогические связи между ними. Почти все они связаны родственными узами. Следова-

тельно, эта должность была наследственной [52, с. 75]. Среди эллинархов случаи наследственности в получении магистратуры не встречаются. Надписи говорят о том, что эллинархи до получения своей должности занимали ответственные посты в фиасах. Так, Басилид, сын Феоника, был гимнасиархом, а Психарион, сын Фидана, – синагогом [1, № 1277, 1280]. В основном обе должности упоминаются в надписях о городском строительстве [7, с. 4]. Но думается, что архонт танаитов и эллинарх имели гораздо более обширные функции, чем благоустройство города, и их функции менялись в зависимости от задач, поставленных пресбевтом Танаиса.

Что касается должности $\rho\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$ – «градоначальник» [1, с. 36, 1000], то В.В. Латышев и В.Д. Блаватский считали, что такой сановник мог управлять Пантикапеем или Фанагорией [20, с. 127; 51, с. 287]. М.И. Ростовцев полагал, что политархи командовали городским ополчением [28, с. 179]. Причем политархи назначались не только Народным собранием, но и царем. Так, Агафус, сын Сакла, стал политархом вследствие своего «исключительного благомыслия по отношению к владыкам царям» [1, № 1000]. Упоминание политарха в надписи Тейрана [1, № 36] говорит об отсутствии грани между царскими и полисными магистратами.

Известно о существовании должностей $\rho\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma \tau\omicron\upsilon \iota\pi\lambda\omega\nu\omicron\varsigma$ [1, № 942] – «управляющий конюшней», $\acute{\alpha}\rho\chi\iota\kappa\omicron\iota\omega\nu\epsilon\iota\tau\eta\varsigma$ [1, № 1049, 1243] – «главный постельничий» и $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\rho\mu\eta\nu\epsilon\omega\varsigma \text{ Ἀλανῶν}$ – «главный аланский переводчик» [1, с. 1053]. По-видимому, эти чиновники руководили интендантской службой при армии и обеспечивали ее переводчиками.

Сведения о финансовых должностях также сохранились в текстах лапидарных надписей. Министром финансов был $\acute{\omicron} \epsilon\lambda\iota \tau\omega\nu \lambda\omicron\gamma\omega\nu$ – «начальник отчетов». По-видимому, в его ведении была государственная казна. Личная же казна правителя находилась в ведении $\acute{\omicron} \rho\epsilon\rho\iota \alpha\upsilon\lambda\eta\nu \gamma\alpha\zeta\omicron\phi\upsilon\lambda\alpha\zeta$ [1, № 45, 49] – «хранителя царской казны». Кроме них фиксируются: $\omicron\iota \epsilon\lambda\iota \tau\omega\upsilon \rho\omicron\sigma\omicron\delta\iota\kappa\omicron\upsilon \acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\tau\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon\gamma\omicron\phi\iota\omicron\upsilon$ [1, № 519, 1247] – «служащие приходной канцелярии», ведавшие поступлениями в царскую казну, $\acute{\omicron} \rho\epsilon\rho\iota \alpha\upsilon\lambda\eta\nu \gamma\alpha\zeta\omicron\phi\upsilon\lambda\alpha\zeta$ [1, № 45, 49] – «хранитель царской казны», вероятно, ответственный за поступление в нее денег, $\epsilon\gamma\kappa\iota\kappa\lambda\iota\omega\nu \omicron\iota\kappa\omicron\nu\omicron\mu\omicron\varsigma$ [1, № 1134] – чиновник, ведавший сбором налогов [31, с. 237].

Однако не ясно, какой чиновник ведал монетным производством. Вполне возможно, что эту функцию исполнял начальник отчетов. Тем не менее хотелось бы уточнить, кто, находясь у него в подчинении, и, по аналогии с римскими монетными триумвирами или заведующими

монетными дворами, мог контролировать денежную эмиссию. Вполне возможно, что начальник отчетов возглавлял особую коллегия финансовых чиновников. И в нее входили доверенные люди царя, способные не только выполнить приказ государя, но и поддерживать курс боспорской монеты. Но в данном случае это не важно. Ведь очевидно, что на Боспоре в римский период была финансовая элита.

Делами религиозных культов руководил ὁ ἐπί τῶν ἱερῶν [1, № 1045] – «управляющий священными делами», а также ἱερῶν οἰκονόμος – распорядитель средствами фисав и иных религиозных и культовых союзов.

Упомянем и эпимелетов. Они ведали государственным строительством [1, № 44, 47, 61, 62, 942, 1242, 1245, 1246, 1248, 1250, 1256]. По Э.Х. Миннзу, эпимелеты не были государственными служащими. Они исполняли особые поручения [53, с. 614, 615, 625]. Т.Н. Книпович считает, речь идет об экстраординарной, причем почетной магистратуре [54, с. 96–97]. Д.Б. Шелов полагал, что эпимелет являлся полисным магистратом [55, с. 267–268]. Эта должность могла быть коллективной. Однако остается открытым вопрос, была ли она постоянно действующей или же эпимелеты назначались по мере необходимости. Причем их упоминали в конце списков должностных лиц. Так что по иерархии они стояли ниже остальных чиновников [36, с. 359–361]. После них упоминали лишь архитекторов.

Известны также высшие военные должности римского Боспора⁴: хилиарх, лохаг, наварх и стратег. Высшая из них должность хилиарха – тысяченачальника. Но он мог быть и гражданским чиновником. Так что гражданская и военная службы на Боспоре в римский период не были разграничены [9, с. 84]. Однако хилиархи, как правило, были военными. Они командовали гвардейским корпусом, охранявшим особу государя. Это воинское подразделение набиралось из наемников [28, с. 178].

Ниже по иерархической лестнице находились лохаги – командиры отрядов (лохов). Однако в надписи Тейрана [1, № 36] лохаг упомянут вместе с самыми важными государственными и придворными должностями. М.И. Ростовцев выдвинул гипотезу, что в тексте идет речь о ближайшем помощнике хилиарха или стратега [28, с. 179]. В.В. Латышев предполагал, что лохагами называли военных чиновников [20, с. 127]. Да и отряды могли быть разными как по численности воинов, так и по значению. Вполне возможно, что лохаг, упомянутый в надписи Тейрана, командовал элитным воинским подразделением. Ясно лишь то, что долж-

ность лохага не была пожизненной. Ведь в надписи Тейрана упомянуты бывшие лохаги [1, № 36]. И это не удивительно – старцы-военачальники не могли быть востребованы. Кроме того, лохаги могли терять должности из-за поражений.

В настоящее время идет дискуссия по вопросу о сфере компетенции лохага. А.И. Болтунова считает, что он был не общепоспорским, а городским магистратом. Действительно, лохаги упоминаются в надписях всех значительных городов Боспорского царства. Известно, что Агафус [1, № 1000] был лохагом Фанагории. С.Ю. Сапрыкин, основываясь на прочтениях надписей [1, № 1246, 1248], в которых Зенон, сын Фанна, совмещал должности пресбевта Танаиса и начальника аспургиан, считает, что в его подчинении мог находиться лохаг танаитов, командующий катойками на Нижнем Дону в военное время [31, с. 240]. В свою очередь, С.А. Грингофом выдвинута весьма близкая гипотеза о функциях лохагов. Ученый считает, что они могли не только командовать отдельными отрядами, но и руководить гарнизонами крепостей [13, с. 18].

Должность στρατηγός – «стратег» известна в Пантикапее в I в. н.э. [1, № 382, 827], в Танаисе фиксируется во II – в начале III в. н.э. [1, № 1237, 1256], а в Горгииппии – во II–III вв. н.э. [1, № 1134, 1141, 1179]. В.В. Латышев полагал, что стратеги являлись высшими военачальниками. С ним был согласен В.Д. Блаватский [58, с. 148]. С.А. Жебелёв предположил, что стратеги могли быть гражданскими чиновниками [14, с. 211]. К.М. Колобова утверждала, что стратеги были городскими магистратами. Действительно, в списках аристопилитов они не упомянуты [59, с. 68]. Напомню, что в танаисских надписях [1, № 1237, 1256] упоминается стратег граждан, возможно – предводитель гражданского ополчения [22, с. 193]. Следует отметить и тот факт, что обе надписи начинаются с упоминания стратега, за ними идут имена бывших наместников царства, пресбевта, диадоха и эллинарха. Так что «стратег граждан Танаиса» был одним из влиятельнейших сановников Боспорского государства.

Но вот что интересно. В документе навклеров из Горгииппии [1, № 1134] упомянуты три стратега. В надписи, найденной во дворе гостиницы «Анапа», перечислены два таких сановника [60, фр. 5]. Так что не ясно, имел ли город свою коллегия стратегов либо эта должность была общегосударственной. Как верно заметила Е.М. Алексеева, в Горгииппии должность стратега могла быть государственной [5, с. 63]. Причем в римскую эпоху стратегами также повсе-

местно называли и гражданских магистратов [26, с. 200–202]. Как верно заметил В. Либенам, их число в городах могло быть различным. Срок деятельности стратегов мог варьироваться. Они отвечали за решение различных задач. Так, стратеги созывали советы и народные собрания, контролировали подвоз продуктов и поддерживали общественный порядок [61, S. 286–288, 350, 388].

Посему трудно судить, на какой срок избирались стратеги на Боспоре. Вывод В.В. Латышева о наличии на некрополе Пантикапея района для захоронения стратегов свидетельствует об их значительном влиянии. Считаем, что в военное время стратеги командовали войсками, а в мирное занимались организационно-хозяйственными вопросами и возглавляли гражданскую милицию [8, с. 4]. Они были важными городскими магистратами, назначаемыми либо царем, либо его наместником в Горгииппии, пресбевтом Танаиса или политархом Пантикапея. Не случайно надписи с упоминанием стратегов известны только из этих городов. Повидимому, у коллегии стратегов были весьма обширные военно-хозяйственные функции. Так что должность стратега нельзя считать исключительно военной.

Перейдем к навархам. Боспорский флот в первые века н.э. был сравнительно большим. Наварх был один. М.И. Ростовцев считал, что эта должность не была постоянной [28, с. 179]. Также следует упомянуть частные территориальные, общественные и религиозные союзы – синоды и фиасы. В них, как правило, входили вышеупомянутые вельможи. По мнению М.И. Ростовцева, в их состав входила исключительно боспорская знать и богатейшее купечество [26, с. 200–201]. Об этом же свидетельствуют надписи фиасов Бога Высочайшего из Танаиса [1, № 1245] и Горгииппии [1, № 1134].

Основываясь на результатах изучения эпиграфического материала и соответствующих исследований, приходим к выводу, что есть основание разделить элиту Боспорского царства по происхождению и функционально-должностным признакам на следующие группы: наследственную, политическую и властную, экономическую, военную, бюрократическую, дворцовую, а также сакральную. Причем одни и те же лица могли быть и придворными, и военными, и жрецами. Элита являлась высшим слоем боспорского общества, опорой царей из дома Тибериев-Юлиев.

Небезынтересна и роль этих государей. Они не только возглавляли элиту своего царства. Собственно, общественная значимость и благосостояние представителей элиты зависели от

воли правителей. А она, в свою очередь, определялась отношением представителей элиты к политике государей. Но и судьба царей во многом зависела от отношения к высшим слоям боспорского общества. Причем речь не идет исключительно о восстаниях. Да, они были, причем в результате их цари погибали. Однако куда важнее то, что на царствующего Тиберия-Юлия могли повлиять представители экономической элиты. Ведь именно они могли и должны были отстаивать интересы торговых и промышленных слоев населения Боспора. Так что не случайно цари искали контакты с сакральной элитой. Им важно было если даже не сакрализировать свою власть, то хотя бы убедить подданных в том, что все в стране и в мире происходит по воле богов, неуклонно поддерживающих их безупречного царя. Этим обстоятельством следует объяснять развитие системы культа боспорских государей.

Таким образом, мы получаем следующую схему. Элита Боспора создала систему сдержек и противовесов, способных поддержать царя или лишить его власти в трудные минуты правления. Все зависело от того, какую политику он проводил. Не случайно, что в состав элиты входили представители династии Тибериев-Юлиев. Так, под контролем и под опекой высших слоев боспорского общества готовились к восхождению на престол наследники правящих государей.

Как правило, представители высших слоев элиты не получали свои посты по праву рождения. Исключение было сделано только для членов царского рода. Аристократам нужно было делать карьеру. Лишь немногие из них сделали ее за пределами Боспора, как, к примеру, Марк Аврелий Андроник. И это не случайно. Преданность боспорским государям было легче доказать на родине.

Элита верно служила Тибериям-Юлиам, однако учитывала и свои интересы. Как ясно из сохранившихся фрагментов биографии Марка Аврелия Андроника, знатные и богатые люди Боспора были заинтересованы в упрочении контактов с Римом. Ведь они обеспечивали Боспору экономическое процветание [10, с. 320; 62, с. 163–213] Этим обстоятельством обусловлено их неприятие Фифорса, угрожавшего Риму и воевавшего с его союзником – Херсонесом. Но в то же время элита пополнялась не только за счет граждан боспорских полисов, но и в результате возвышения варварских вождей, которыми являлись и члены рода Тибериев-Юлиев. Так что система сдержек и противовесов просматривается и в этом аспекте.

Полагаем, что боспорская элита римского периода во многом поспособствовала продлению жизнеспособности Боспорского государства. Она эволюционировала вместе с управляемым им обществом. Причем наблюдалось взаимодействие важных должностей из эллинистических государств и Рима. Вследствие этого элита сохраняла возможность верно служить как своим государям, так и отчужденному Боспору. То есть она была не только опорой режима, но и своеобразным представительством влиятельнейших слоев общества при дворе.

Наше исследование вряд ли можно считать завершенным. Обнаружение новых античных эпиграфических памятников на Боспоре еще вполне вероятно. Возможно, что удастся обнаружить тексты с перечнями должностей его вельмож за пределами Северо-Восточного Причерноморья. Допускаем мы и вероятность нового прочтения уже изданных текстов. Надеемся, тем не менее, что предложенная нами схема выделения групп элит не будет отвергнута научным сообществом. На Боспоре определенно существовали наследственная, политическая и властная, экономическая, военная, бюрократическая, дворцовая, а также сакральная элиты.

Примечания

1. Действительно, изначально слово *τοῦλαία* имело указанное исследователем значение. Однако нахождение его в списке должностей надписи Тейрана [1, № 36] говорит о том, что аристократы были царскими чиновниками. Очевидно, что ни один из них не был представителем городского самоуправления. Кроме того, аристократы могли быть членами религиозного союза, почитающего государственных богов Зевса и Геру Спасителей.

2. История правления этого государя, если не считать туманного описания херсонесско-боспорских войн у Константина VII Багрянородного (913–959) (Const. Porp., 53, 1–233) [49], в котором он выступает под именем Савромата, сын Крискорона, лучше всего прослеживается по данным нумизматики [50, с. 329–371].

3. Подробнее см. [50, с. 329–371].

4. Как правило, они были лояльны государям. Но, защищая интересы элиты Боспора, военные могли поднять восстания. Речь идет о бунте против Митридата Евпатора в 63 г. до н.э., о мятеже архонта Асандра против царя Фарнака в 47 г. до н.э. [39, с. 466], о войне с римским ставленником Митридатом Пергамским [39, с. 466–467], о бунтах при Полемоне I [56, с. 279–299; 57, с. 144–146], а также о выступлении против царя Митридата VIII (39–42).

Список сокращений

БИ – Боспорские исследования. Симферополь.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ИАК – Известия археологической комиссии. СПб.

МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. М.; Тюмень; Нижневартовск.

ДБ – Древности Боспора. М.

ИТУАК – Известия Таврической уездной архивной комиссии. Симферополь.

МАИЭТ – Материалы по истории, археологии, этнографии Таврики. Симферополь; Керчь.

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.

СА – Советская археология. М.

РАЕ – Российский археологический ежегодник. СПб.

Список литературы

1. Корпус боспорских надписей / Под ред. В.В. Струве. 1965. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
2. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Под ред. А.К. Гаврилова. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2005. XVI + 432 с.
3. Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. М.: Гриф и К., 2010. 740 с.
4. Яйленко В.П. 2017. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.
5. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.
6. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 183 с.
7. Астахов В.А. Боспорское царство в I в. до н.э. – IV в. н.э. (Политическая организация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГПУ, 1991. 16 с.
8. Астахов В.А. Проблема полисных элементов в структуре позднеантичного Боспора (по эпиграфическим данным) // Всеобщая история. Современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. С.Ф. Блуменау. Вып. 13. Брянск: БГУ, 2004. С. 5–11.
9. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород: БГПИ, 1996. 180 с.
10. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: АН СССР, 1949. 624 с.
11. Гайдукевич В.Ф. Из истории Боспора во II в. н.э. // Древний мир. Сборник статей, посвященных академику В.В. Струве. М.: Наука, 1962. С. 485–489.
12. Грингоф С.А. Еще раз о должности наместника царства на Боспоре римского времени // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. № 7 (102). Вып. 18. С. 32–36.
13. Грингоф С.А. Царский двор и администрация на Боспоре в I–IV вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород: БелГУ, 2012. 22 с.
14. Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи / Под ред. Д.П. Каллистова. М.; Л.: АН СССР, 1953. 387 с.
15. Завойкина Н.В. Об одном последствии готского разрушения в середине III в. // Боспорские чтения VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в

- период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь: БФ «Деметра», 2005. С. 102–105.
16. Завойкина Н.В. Частные сообщества Танаиса (104–244 гг.) // ПИФК. 2007. Вып. XVII. С. 299–315.
17. Завойкина Н.В. Фанагорийское общество Фанагория. Результаты археологических исследований // Материалы по истории и археологии Фанагории / Под ред. В.Д. Кузнецова. Вып. 1. М.: ИА РАН; НП «Историко-культурное наследие Кубани», 2013. С. 240–313.
18. Завойкина Н.В. Из истории боспорской аристократии II–III вв. н.э. Юлий Менестрат и Хофразм сын Фаргобака // ПИФК. 2013. Вып. 2 (40). С. 250–262.
19. Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства // ИТУАК. № 17. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1892. С. 1–67.
20. Латышев В.В. ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб.: Императорская академия наук, 1909. 438 с.
21. Мацулевич Л.А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. Т. VII. С. 61–80.
22. Никитина И.П. Эпиграфические данные об устройстве Боспорского царства в I–III вв. // Античная древность и средние века. 1966. № 4. С. 179–198.
23. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Петроград: Типография I Ленинградской Трудовой Артели Печатников, 1925. 624 с.
24. Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства. Государство и социальный строй в эпоху римского протектората. Глава II // ВДИ. 1989. № 1. С. 192–205.
25. Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства. Государство и социальный строй в эпоху римского протектората. Глава II // ВДИ. 1989. № 2. С. 183–197.
26. Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства. Государство и социальный строй в эпоху римского протектората. Глава II // ВДИ. 1989. № 3. С. 184–203.
27. Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства. Государство и социальный строй в эпоху римского протектората. Глава II // ВДИ. 1989. № 4. С. 124–133.
28. Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства. Государство и социальный строй в эпоху римского протектората. Глава VI // ВДИ. 1990. Вып. 1. С. 175–183.
29. Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства. Государство и социальный строй в эпоху римского протектората. Глава VI // ВДИ. 1990. Вып. 2. С. 192–200.
30. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.
31. Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства. Античная цивилизация и варвары / Под ред. Л.П. Мариновича. М.: Наука, 2006. С. 221–242.
32. Сидоренко В.А. Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV в. (по материалам эпиграфики) // БИ. 2001. Вып. 1. С. 137–146.
33. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. – 210/211 гг. н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
34. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 535 с.
35. Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: Глаголь, 1992. С. 74–93.
36. Храпунов Н.И. Администрация Боспора в V в. н.э. // ДБ. 2011. № 15. С. 352–369.
37. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М.: Наука, 1979. 133 с.
38. Чореф М.М. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным // Петербургский апокриф. Послание от Марка (сборник, посвященный памяти Марка Борисовича Щукина). Кишинев: Stratum plus, 2011. С. 247–259.
39. Чореф М.М. К биографии Асандра: путь к престолу // МАИАСК. 2014. Вып. 6. С. 456–487.
40. Шаров О.В. Боспорские этюды: к вопросу о появлении царских тамг // Stratum plus. 2013. № 5. С. 43–50.
41. Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4. С. 357–375.
42. Gaidukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Amsterdam: Akademie-Verlag, 1971. 624 S.
43. Maj-Britt L., Bjerg H. Money, power and communication. Coin Circulation in the Bosporan Kingdom in Roman Period. Wetteren: Moneta, 2014. 431 p.
44. Trejster M. Gruft II von Gorgippia // Mordvinceva V., Treister M. (ed.). Zum Verhältnis griechischer und barbarischer Elemente in den Bestattungen der Elite im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. 2005. Jh. V. Chr. 2. Jh. N. Chr. S. 67–81 (Internationale Archäologie 6).
45. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. 1854 / Под ред. Ф.А. Жилия. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. 279 с.
46. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Ed. V.V. Latyshev. Vol. II. Inscriptiones Regni Bosporani Continentis. Petropoli: Typis Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1890. 440 p.
47. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. 160 с.
48. Болтунова А.И. Надпись под статуей из Горгиипии // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 110–116.
49. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Греческий текст, перевод, комментарии. М.: Наука, 1989. 496 с.
50. Чореф М.М. Боспорское царство при Фофорсе: по данным нумизматики // РАЕ. 2014. Вып. 4. С. 329–371.

51. Блаватский В.Д. Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. М.: Наука, 1985. 242–260.
52. Молчанов А.А. Высшие магистраты Танаиса II–III вв. н.э. и происхождение дуалистической системы его устройства // Проблемы истории СССР. Вып. 5. М.: Наука, 1976. С. 62–76.
53. Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 820 p.
54. Книпович Т.Н. Танаис. М.; Л.: АН СССР, 1949. 180 с.
55. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 350 с.
56. Чореф М.М. Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 279–299.
57. Чореф М.М. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики // Stratum plus. 2013. № 6. С. 127–156.
58. Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.
59. Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 47–71.
60. Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгииппии // ВДИ. 1967. № 2. С. 182–197.
61. Liebenam W. Städteverwaltung im Römischen Kaiserreiche. Leipzig: Duncker & Humblot, 1900. 577 S.
62. Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. № XII. 2006. 304 с.

ON THE COMPOSITION OF THE BOSPORAN ELITE OF THE ROMAN PERIOD

O.V. Sharov, M.M. Choref

The article presents an analysis of the information about the Bosporan elite of the Roman era. Particular attention is given to the question of the participation of the royal family members and of the royal administration officials in the management of the Bosporus. We believe that joining the Bosporan elite was ensured not only by a noble lineage and wealth, but also by personal devotion to the king and the unconditional support of his ideas.

Keywords: history, archaeology, epigraphy, Bosporus, Roman period, elite.

References

1. Korpus bosporskih nadpisej / Pod red. V.V. Struve. 1965. M.; L.: Nauka, 1965. 951 s.
2. Korpus bosporskih nadpisej. Al'bom illyustracij (KBN-al'bom) / Pod red. A.K. Gavrilova. SPb.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2005. XVI + 432 s.
3. Yajlenko V.P. Tysyacheletnij bosporskiy rejh. Istoriya i ehpiigrafika Bospora VI v. do n.eh. – V v. n.eh. M.: Grif i K., 2010. 740 s.
4. Yajlenko V.P. 2017. Istoriya i ehpiigrafika Ol'vii, Hersonesa i Bospora VII v. do n.eh. – VII v. n.eh. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. 1024 s.
5. Alekseeva E.M. Antichnyy gorod Gorgippiya. M.: Ehditorial URSS, 1997. 560 s.
6. Anohin V.A. Monetnoe delo Bospora. Kiev: Naukova dumka, 1986. 183 s.
7. Astahov V.A. Bosporskoe carstvo v I v. do n.eh. – IV v. n.eh. (Politicheskaya organizaciya): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: MGPU, 1991. 16 s.
8. Astahov V.A. Problema polisnyh ehlementov v strukture pozdneantichnogo Bospora (po ehpiigraficheskim dannym) // Vseobshchaya istoriya. Sovremennye issledovaniya: Mezhevuzovskiy sbornik nauchnyh trudov / Pod red. S.F. Blumenau. Vyp. 13. Bryansk: BGU, 2004. S. 5–11.
9. Bolgov N.N. Zakat antichnogo Bospora. Ocherki istorii Bosporskogo gosudarstva pozdneantichnogo vremeni (IV–V vv.). Belgorod: BGPI, 1996. 180 s.
10. Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. M.; L.: AN SSSR, 1949. 624 s.
11. Gajdukevich V.F. Iz istorii Bospora vo II v. n.eh. // Drevnij mir. Sbornik statej, posvyashchennyh akademiku V.V. Struve. M.: Nauka, 1962. S. 485–489.
12. Gringof S.A. Eshche raz o dolzhnosti namestnika carstva na Bospore rimskogo vremeni // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 7 (102). Vyp. 18. S. 32–36.
13. Gringof S.A. Carskiy dvor i administraciya na Bospore v I–IV vv. n.eh.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod: BelGU, 2012. 22 s.
14. Zhebelyov S.A. Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoj ehpoi / Pod red. D.P. Kallistova. M.; L.: AN SSSR, 1953. 387 s.
15. Zavojkina N.V. Ob odnom posledstvii got'skogo razrusheniya v seredine III v. // Bosporskie chteniya VI. Bospor Kimmerijskiy i varvarkij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizacij, katastrof. Kerch': BF «Demetra», 2005. S. 102–105.
16. Zavojkina N.V. Chastnye soobshchestva Tanaisa (104–244 gg.) // PIFK. 2007. Vyp. XVII. S. 299–315.
17. Zavojkina N.V. Fanagorijskoe obshchestvo Fanagoriya. Rezul'taty arheologicheskijh issledovanij // Materialy po istorii i arheologii Fanagorii / Pod red. V.D. Kuznecova. Vyp. 1. M.: IA RAN; NP «Istoriko-kul'turnoe nasledie Kubani», 2013. S. 240–313.
18. Zavojkina N.V. Iz istorii bosporskoj aristokratii II–III vv. n.eh. Yulij Menestrat i Hofrazm syn Fargobaka // PIFK. 2013. Vyp. 2 (40). S. 250–262.
19. Latyshev V.V. Kratkij ocherk istorii Bosporskogo carstva // ITUAK. № 17. Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, 1892. S. 1–67.
20. Latyshev V.V. PONTIKA. Izbornik nauchnyh i kriticheskijh statej po istorii, arheologii, geografii i ehpiigrafike Skifii, Kavkaza i grecheskijh kolonij na poberezh'yah Chernogo morya. SPb.: Imperatorskaya akademiya nauk, 1909. 438 s.

21. Maculevich L.A. Kto byl Kallisfen, nazvannyj v nadpisi, otkrytoj v Kerchi v 1894 g. // SA. 1941. T. VII. S. 61–80.
22. Nikitina I.P. Ehpigrafičeskie dannye ob ustrojstve Bosporskogo carstva v I–III vv. // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 1966. № 4. S. 179–198.
23. Rostovcev M.I. Skifiya i Bospor. Kritičeskoe obzrenie pamyatnikov literaturnyh i arheologičeskikh. Petrograd: Tipografiya I Leningradskoj Trudovoj Arteli Pechatnikov, 1925. 624 s.
24. Rostovcev M.I. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo carstva. Gosudarstvo i social'nyj stroj v ehpoju rimskogo protektorata. Glava II // VDI. 1989. № 1. S. 192–205.
25. Rostovcev M.I. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo carstva. Gosudarstvo i social'nyj stroj v ehpoju rimskogo protektorata. Glava II // VDI. 1989. № 2. S. 183–197.
26. Rostovcev M.I. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo carstva. Gosudarstvo i social'nyj stroj v ehpoju rimskogo protektorata. Glava II // VDI. 1989. № 3. S. 184–203.
27. Rostovcev M.I. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo carstva. Gosudarstvo i social'nyj stroj v ehpoju rimskogo protektorata. Glava II // VDI. 1989. № 4. S. 124–133.
28. Rostovcev M.I. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo carstva. Gosudarstvo i social'nyj stroj v ehpoju rimskogo protektorata. Glava VI // VDI. 1990. Vyp. 1. S. 175–183.
29. Rostovcev M.I. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo carstva. Gosudarstvo i social'nyj stroj v ehpoju rimskogo protektorata. Glava VI // VDI. 1990. Vyp. 2. S. 192–200.
30. Saprykin S.Yu. Bosporskoe carstvo na rubezhe dvuh ehpo. M.: Nauka, 2002. 271 s.
31. Saprykin S.Yu. Ehtyudy po social'noj i ehkonomichejskoj istorii Bosporskogo carstva. Antichnaya civilizaciya i varvary / Pod red. L.P. Marinovicha. M.: Nauka, 2006. S. 221–242.
32. Sidorenko V.A. Vysshie voinskie dolzhnosti na Bospore vo II – nachale IV v. (po materialam ehpiografiki) // BI. 2001. Vyp. 1. S. 137–146.
33. Frolova N.A. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.eh. – seredina IV v. n.eh.). Ch. I. Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n.eh. – 210/211 gg. n.eh. M.: Ehditorial URSS, 1997. 444 s.
34. Frolova N.A. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.eh. – seredina IV v. n.eh.). Ch. II. Monetnoe delo Bospora 211–341/342 gg. n.eh. M.: Ehditorial URSS, 1997. 535 s.
35. Funk B. Prorimskaya orientaciya v titulature bosporskih carej // Ehtyudy po antichnoj istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya. SPb.: Glagol", 1992. S. 74–93.
36. Hrapunov N.I. Administraciya Bospora v V v. n.eh. // DB. 2011. № 15. S. 352–369.
37. Cvetaeva G.A. Bospor i Rim. M.: Nauka, 1979. 133 s.
38. Choref M.M. Territorial'no-administrativnoe ustrojstvo Bosporskogo carstva pri Farnake II po numizmatičeskim dannym // Peterburgskij apokrif. Poslanie ot Marka (sbornik, posvyashchennyj pamyati Marka Borisovicha Shchukina). Kishinev: Stratum plus, 2011. S. 247–259.
39. Choref M.M. K biografii Asandra: put' k prestolu // MAIASK. 2014. Vyp. 6. S. 456–487.
40. Sharov O.V. Bosporskie ehtyudy: k voprosu o poyavlenii carskih tamg // Stratum plus. 2013. № 5. S. 43–50.
41. Sharov O.V., Choref M.M. K voprosu o datirovke tabula ansata s imenom Yuliya Kalisfena // Stratum plus. 2015. № 4. S. 357–375.
42. Gaidukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Amsterdam: Akademie-Verlag, 1971. 624 S.
43. Maj-Britt L., Bjerg H. Money, power and communication. Coin Circulation in the Bosporan Kingdom in Roman. Period. Wetteren: Moneta, 2014. 431 p.
44. Trejster M. Gruft II von Gorgippia // Mordvinceva V., Trejster M. (ed.). Zum Verhältnis griechischer und barbarischer Elemente in den Bestattungen der Elite im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. 2005. Jh. V. Chr. 2. Jh. N. Chr. S. 67–81 (Internationale Archäologie 6).
45. Drevnosti Bosfora Kimmerijskogo, hranyashchiesya v Imperatorskom muzee Ehrmitazha. 1854 / Pod red. F.A. Zhilya. T. 1. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk. 279 s.
46. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Ed. V.V. Latyshev. Vol. II. Inscriptiones Regni Bosporani Continentis. Petropoli: Typis Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1890. 440 p.
47. Rostovcev M.I. Ehllinstvo i iranstvo na yuge Rossii. M.: Knizhnaya nahodka, 2002. 160 s.
48. Boltunova A.I. Nadpis' pod statuej iz Gorgippii // SA. 1958. T. XXVIII. S. 110–116.
49. Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej. Grecheskij tekst, perevod, komentarii. M.: Nauka. 1989. 496 c.
50. Choref M.M. Bosporskoe carstvo pri Foforse: po dannym numizmatiki // RAE. 2014. Vyp. 4. S. 329–371.
51. Blavatskij V.D. Bosporskoe carstvo v pozdneantichnoe vremya // Antichnaya arheologiya i istoriya. M.: Nauka, 1985. 242–260.
52. Molchanov A.A. Vysshie magistraty Tanaisa II–III vv. n.eh. i proiskhozhdenie dualisticheskogo sistema ego ustrojstva // Problemy istorii SSSR. Vyp. 5. Moskva: Nauka, 1976. S. 62–76.
53. Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 820 p.
54. Knipovich T.N. Tanais. M.; L: AN SSSR, 1949. S. 180 s.
55. Shelov D.B. Tanais i Nizhnij Don v pervye veka nashej ehry. M.: Nauka, 1972. 350 s.
56. Choref M.M. Nadchekanki na mednyh monetah bosporskogo arhonta Asandra // MAIASK. 2015. Vyp. 7. S. 279–299.
57. Choref M.M. Dinasticheskaya istoriya Bospora rubezha novej ehry po dannym numizmatiki // Stratum plus. 2013. № 6. S. 127–156.
58. Blavatskij V.D. Pantikapej. Ocherki istorii stolicy Bospora. M.: Nauka, 1964. 232 s.
59. Kolobova K.M. Politicheskoe polozhenie gorodov v Bosporskom gosudarstve // VDI. 1953. № 4. S. 47–71.
60. Kruglikova I.T. Noveye ehpiograficheskie pamyatniki iz Gorgippii // VDI. 1967. № 2. S. 182–197.
61. Liebenam W. Städteverwaltung im Römischen Kaiserreiche. Leipzig: Duncker & Humblot, 1900. 577 S.
62. Zubar' V.M., Zin'ko V.N. Bospor Kimmerijskij v antichnuyu ehpoju. Ocherki social'no-ehkonomichejskoj istorii // BI. № XII. 2006. 304 s.